

А.А. ЕГОРОВ

ТЕОРИЯ ПРОТИВОПРАВНОСТИ (в политико-правовых воззрениях Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова)

Аннотация. Статья касается вопросов теории противоправности в контексте политико-правовых взглядов выдающихся русских революционных демократов — Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова. В контексте учета конкретно-исторической обстановки исследуются их воззрения по вопросам понятий и видов противоправных деяний, их исторической изменчивости, единства внутренней и внешней сторон, а также формы вины. В заключение работы формулируются обобщающие выводы.
Ключевые слова: противоправность, вина, беда, нравственный идеал, уголовные преступления, нравственные преступления, взяточничество, полицейские преступления.

THE THEORY OF CONTRADICTION (in the political and legal views of N.G. Chernyshevsky and N.A. Dobrolyubov)

Abstract. The article deals with the theory of illegality in the context of the political and legal views of the outstanding Russian revolutionary democrats — N.G. Chernyshevsky and N.A. Dobrolyubov. In the context of taking into account the specific historical situation, their views on the concepts and types of illegal acts, their historical variability, the unity of the internal and external sides, as well as the form of guilt are investigated. At the end of the work, generalizing conclusions are formulated.
Keywords: illegality, guilt, misfortune, moral ideal, criminal offenses, moral crimes, bribery, police crimes.

Юридическая наука, являясь одним из фундаментальных направлений развития человечества, имеет в своем основании как исторический общесоциальный опыт, так и доктринально-теоретическую составляющую в лице известных мыслителей прошлого и современности. Именно политико-правовая мысль выступает базисом правотворчества, применения права, толкования права и иных видов юридической деятельности. При этом необходимо понимать, что само состояние политико-правовой мысли, ее концептуальная состоятельность, теоретическая и практическая значимость детерминируются конкретно-историческими условиями жизни общества.

ЕГОРОВ Александр Александрович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва

Вторая половина XIX века в нашей стране стала временем широкого распространения преступности. Развитие капиталистических отношений разрушало традиционные устои сельской жизни. Жесточайшая эксплуатация сельского населения обусловила уход крестьян в города, где они далеко не всегда имели возможности применить свои трудовые навыки. Результатом обнищания крестьян стал стремительный рост преступности. Данное обстоятельство не могло не получить отрицательную, осуждающую оценку в среде наиболее образованных и прогрессивно мыслящих людей. В данном контексте особый интерес представляют идеи Николая Гавриловича Чернышевского (1828–1889) и Николая Александровича Добролюбова (1836–1861).

Сразу оговоримся, что в их взглядах не содержится какая-то целостная и упорядоченная теория противоправности. Их воззрения интересны не в строго академическом ключе, а с позиции формирования отечественной политико-правовой мысли.

* * *

По справедливому утверждению Б.В. Здравомыслова, понятие преступления в доктрине Н.Г. Чернышевского зиждется на причинной обусловленности явлений окружающего мира. Он признавал не только объективную обусловленность любого человеческого поступка, но и его субъективные причины [5, с. 32]. Эти убеждения важны для понимания истинной природы противоправного поведения, объяснение которого не сводится к теории «прирожденного преступника» Ч. Ломброзо или иным абстрактным и произвольным трактовкам.

Этот вывод напрямую следует из анализа работы Чернышевского «Антропологический принцип в философии» (1860 г.). В ней помимо таких универсальных философских идей, как единство телесного и духовного в человеке или всеобщая взаимосвязанность явлений окружающего мира, автор затронул вопрос формирования противоправного поведения. Он писал: «...самым изобильным источником обнаружения злых качеств служит недостаточность средств к удовлетворению потребностей» [11, с. 265].

Принятые в качестве своеобразного советского штампа утверждения о понимании им материалистических причин противоправности являются очевидным преувеличением, так как сам мыслитель по понятным причинам не мог пользоваться соответствующей терминологией и не владел доктриной советского уголовного права. По его мнению, источником противоправного поведения выступает именно невозможность удовлетворить свои потребности законными способами вследствие несовершенства эксплуататорского общества.

Чернышевский отмечал историческую изменчивость и объективную обусловленность понимания преступления: «Имея независимое правительство, каждое государство имеет и свои особенные законы. В Англии вешают,

во Франции рубят головы, — разница <...> многие английские преступления вовсе не преступления по французским законам» [5, с. 33].

На наш взгляд, с этой точкой зрения следует согласиться, так как она актуальна и сегодня. Мы можем констатировать, что как понятие, так и содержание противоправного деяния не могут быть универсальными, поскольку они порождаются конкретно-историческими условиями, системой социальных ценностей, традициями и обычаями конкретного народа. На основе рассмотрения общих воззрений Чернышевского попытаемся опосредованно вывести понятие преступления.

В контексте его политико-правовых взглядов преступление — это исторически изменчивое, обусловленное объективными и субъективными факторами проявление злых качеств человека, который не способен удовлетворить свои потребности законными средствами. По мнению мыслителя, существуют преступления, которые прямо предусмотрены уголовным законодательством; но есть и нравственные преступления, которые не закрепляются в уголовном законе и не наказываются им [8, с. 30–31]. Он подчеркивал: «...порок внешним образом наказывается не всегда, добродетель внешним образом награждается не всегда ... порочный может умереть спокойно в богатстве ... добродетельный может всю жизнь страдать и умереть, страдая» [8, с. 182].

Внимание Чернышевского к преступлениям, предусмотренным уголовным законодательством, различий не вызывает, поскольку оно адресует нас к древнеримской формуле «нет преступления без указания на то в законе». Выделение же такого вида проступков, как нравственные преступления, представляется весьма спорным, так как деяние, противоправность и наказуемость которого не предусмотрена уголовным законодательством, не может считаться преступлением. Вероятно, под преступлениями он подразумевал антиобщественные деяния, противоречащие общественной морали, которые с юридической точки зрения не являются преступлениями.

В качестве примера нравственного преступления Чернышевский называет характерный для многих народов древний обычай, согласно которому правомерно и допустимо было избавляться от больных детей. Он называет это преступлением, которое «вменяется в обязанность» [5, с. 35]. С этой точкой зрения вряд ли можно согласиться, так как такое поведение соответствовало как нормам обычного права, так и общественной морали.

Мыслитель констатировал, что «часто преступления против нравственности остаются совершенно без наказания» [8, с. 181]. Таким образом, он четко выделял преступления, предусмотренные уголовным законодательством, и антиобщественные поступки, которые в разные исторические эпохи могут признаваться как преступлениями, так и проявлением правомерного поведения.

Помимо деления преступлений на предусмотренные уголовным законодательством и на нравственные Н.Г. Чернышевский упоминал и такое преступное деяние, как взяточничество. Он отмечал не только историческую

преемственность этого деяния, но и отсутствие реальной борьбы с его распространением. «Искони веков, — писал он, — от Рюрика до наших дней, богата была наша Русь взяточниками <...> Скажите же, с какой стати было так свирепо набрасываться на то, о чем можно было до той поры так удобно молчать?» [10, с. 318]. Такое положение дел не могло не вызвать у него резкого протеста.

Чернышевский выступал против попыток оправдания взяточничества низким уровнем материального достатка чиновников: «Эту ли нравственность хотят проповедовать господа, оправдывающие взятки недостатком жалованья? Хороша нравственность! Чего недостает тебе и чего хочется, то укради! Жалованьем ты имеешь возможность жить безбедно, но скромно, а тебе хочется жить роскошно — воруй! <...> После этого мужички наши, трудящиеся, ... имеют полное право грабить всякого встречного и поперечного, и исправники, на основании своей логики, не должны сметь останавливать их» [9, с. 845]. Таким образом, по мнению автора приведенной цитаты, взяточничество является следствием стремления небедных чиновников к безграничному обогащению, следовательно, в данном противоправном деянии преобладает субъективный аспект, возможность реализации которого продиктована несовершенством общественно-политического строя.

В прокламации «Барским крестьянам от их недоброжелателей поклон» (1861 г.) Н.Г. Чернышевский рассуждал о необходимости осуществления в России крестьянской революции, имеющей своей целью изменение основ общественно-политического строя. По его во многом справедливому замечанию, иным путем невозможно искоренить повсеместное взяточничество, злоупотребления на местах и продажное правосудие [11, с. 523]. Эти постулаты получили ярко выраженную положительную оценку в советской юридической науке.

Чернышевский высказал и более глобальную революционную идею, заявив о противоправном характере всех законов в царской России и о необходимости их отмены посредством революции [7, с. 73]. В его трудах можно встретить и упоминания об отдельных признаках преступления. Он признавал одновременное наличие как объективных, так и субъективных причин любого человеческого поступка, обоснованным образом полагая, что решение вопроса о виновности конкретного лица должно основываться на тщательном и непредвзятом выяснении причин совершения преступления. В данном контексте он упоминает такие понятия как «вина» и «беда»: «Вина вызывает порицание или даже наказание против лица. Беда требует помощи лицу через устранение обстоятельств более сильных, нежели его воля» [10, с. 165].

Выражаясь современным языком, можно отметить, что в его трактовке вина — это свободное проявление противоправной воли субъекта права, что обуславливает применение к нему той или иной меры юридической ответственности. В свою очередь беда — это стечение не зависящих от воли человека обстоятельств, которые вынуждают его совершить преступление.

Для устранения такого явления, как беда, необходимо изменить условия жизни целого сословия, к которому относится тот или иной преступник.

В наиболее общем виде Н.Г. Чернышевский приходит к осознанию форм вины. Признавая неосторожные деяния вовсе ненаказуемыми, он считает, что большинство умышленных деяний нельзя считать виновными, так как они продиктованы условиями жизни общества: «Вина — это редкость, это исключение из правила, беда — это эпидемия. <...> Беда обнаруживается на том самом человеке, который исполняет условие, ведущее к беде; вина обрушивается на других, принося виноватому пользу. <...> Разбойник зарезал человека, чтобы ограбить его, и находит в нем пользу себе, — это вина. Неосторожный охотник нечаянно ранил человека и сам первый мучится несчастием, которое сделал, — это уж не вина, а просто беда» [10, с. 166]. Надо сказать, что данный подход излишне идеализирован, так как автор признает неосторожные деяния вовсе невиновными и ненаказуемыми, а большинство виновных деяний считает результатом несовершенств условий жизни общества.

Интересно отношение Н.Г. Чернышевского к деятельности революционеров и борцов с самодержавием. Он принципиально не считал таких людей преступниками. Результатом такой позиции стал его отказ обратиться к Александру II с прошением о своем помиловании [7, с. 73].

* * *

Сравним воззрения Н.Г. Чернышевского с идеями его ближайшего соратника Н.А. Добролюбова, который в своей рукописи под названием «О том, что люди, желающие свободы, должны разъяснить себе, какого именно устройства общества они хотят» (1856 г.) вопрошал: «Преступления, необходимые всегда в человечестве, как будете вы судить? <...> Да и какие деяния назовете вы преступными, какие — похвальными, какие — подлыми, какие — благородными?» [6, с. 94]; и таким образом признавал неизбежность противоправных деяний, которые необходимо отличать от правомерного поведения, и причинную обусловленность всех человеческих поступков, совершение которых продиктовано условиями жизни конкретного человека.

Добролюбов полагал, что большинство преступлений и безнравственных поступков имеют три источника: «невежество», «недостаток здравых понятий о вещах», «неумение сообразить настоящее положение дел и последствия поступка» [6, с. 94]. В этом смысле он повторяет мысль Н.Г. Чернышевского о том, что в подавляющем большинстве преступлений отсутствует умысел.

Глубинной причиной совершения правонарушений Добролюбов считал условия жизни общества, порождающие социальное неравенство. Категоричным термином «дармоедство» он именовал эксплуатацию простого народа и последующее присвоение результатов общественного труда «под покровом капитала и разных коммерческих предприятий» [5, с. 43].

Недостаточность знаний простого народа о ценности тех или иных предметов выступает предпосылкой такого положения дел: «...отвергнув и заклеивши грабеж под его собственным именем, новые народы все-таки не могут еще распознать того же самого грабежа, когда он скрывается дармоедами под различными вымышленными именами» [2, с. 268].

Подобно Н.Г. Чернышевскому Н.А. Добролюбов признавал не только обусловленность противоправного поведения условиями жизни общества, но и отсутствие единого понятия о преступном деянии. В статье «Темное царство» (1859 г.) он осуждал порочность общественного строя царской России, опорой которого выступают крепостники, жандармы и купцы-самодуры [5, с. 44], и ратовал за его смену.

Обращаясь к вопросу об исторической изменчивости противоправности деяния, Добролюбов приводит пример убийства как преступления, влекущего наказание, и убийства во время войны как ненаказуемого, а зачастую и поощряемого деяния. По его мнению, этот общий подход нужно конкретизировать, так как убийство может быть правомерным деянием лишь в том случае, если война является справедливой [1, с. 60].

Основной посыл в данном случае состоит в том, что помимо законодательного признания того или иного деяния в качестве противоправного акта важную роль играет общественная оценка этого деяния и конкретно-исторические обстоятельства его совершения. Эти принципы влияют и на оценку личности преступника: «По уголовному суду человек оказался и грабителем, и убийцею; кажется, должен быть изверг естества. А смотришь, — он вовсе не изверг, а человек очень обыкновенный и даже добродушный. <...> и преступления свои совершил он без тяжкой и продолжительной борьбы с самим собой, а просто так, случайно, сам хорошенько не сознавая, что он делал» [6, с. 95].

Добролюбов предложил весьма оригинальное решение этого мировоззренческого вопроса. Признавая относительный характер законов в условиях социального неравенства, он приходит к логичному выводу, что закон не может выступать критерием признания того или иного деяния преступным. Таким критерием, по его мнению, может быть только нравственный идеал [1, с. 178]. Этот, по сути, верный подход был недостижим в условиях имущественной поляризации общества того времени.

Исходя из собственных юридических позиций, Добролюбов стремился выделить в противоправном деянии внутреннюю и внешнюю стороны. Внутренней стороной он считал осознание самим преступником опасности своего деяния, а под внешней — запрещенность совершения того или иного деяния в рамках положительного законодательства [1, с. 66]. По мнению Б.В. Здравомыслова, под внутренней стороной противоправного деяния мыслитель понимал вину, значение которой представители низших классов в большинстве случаев не понимают. В свою очередь внешняя сторона противоправного деяния в интерпретации Добролюбова отражает социальный характер противоправного деяния [5, с. 46].

В некотором смысле разделяя взгляды Чернышевского, он считал правонарушение явлением, которое имеет объективные причины и субъективный характер совершения. Опосредованно сформулированное Чернышевским определение понятия «преступление» практически полностью применимо и к доктрине Н.А. Добролюбова, который так же, как и его соратник, выступал с резкой критикой корыстолюбия и вопиющей безнаказанности чиновников.

В статье «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» он отмечает плачевное состояние законодательства, судостроительства и судопроизводства вплоть до воцарения Петра I. Несмотря на некоторые положительные изменения, связанные с изданием «Судебников» и «Уложения», судебный и административный произвол никуда не исчезли. Добролюбов заключает: «Решительное смещение судебных и административных властей много помогало этому, а всеобщая безнравственность делала бессильною всякую попытку водворить правду в судах. С XV века идет уже непрерывный ряд свидетельств о неправосудии и взяточничестве дьяков и подьячих» [6, с. 122]. Он обращается к конкретному примеру, наглядно иллюстрирующему указанные судебные и административные тенденции.

В работе «Замечания по поводу одного следствия» (1859 г.) Н.А. Добролюбов резко критиковал следственные действия в царской России, указывая на такие их вопиющие черты, как полное отсутствие гарантий соблюдения прав человека и открытые злоупотребления должностных лиц. Полагая, что этот частный пример характерен для следственных порядков того времени, в целом он утверждал: «Можно указать на следственные дела, по которым убийца или меновщик фальшивых ассигнаций оказывается только немного подозреваемым; а человек, сделавший обыкновенный поступок, оказывается по следствию виновным в уголовном преступлении» [3, с. 236]. Практика того времени наглядно свидетельствовала о юридической незащитности подследственных и подсудимых, а также об абсолютной безнаказанности следователей и судей.

Оба мыслителя были убеждены в том, что большинство противоправных деяний совершаются без умысла, по неблагоприятному стечению обстоятельств. В этом контексте Добролюбов акцентировал внимание на необходимости установления вины преступника. Он с горечью констатировал, что мы можем лишь мечтать о таком времени, когда «без вины никого не осудят: судьи будут справедливы, преступления не будут избегать законного возмездия!» [3, с. 57].

Чернышевский выделял следующие виды противоправных деяний: предусмотренные уголовным законодательством, нравственные (антиобщественные поступки) и взяточничество. Не вызывает сомнений, что Добролюбову были известны эти виды правонарушений. Более того, он обращал внимание еще и на так называемые «полицейские» преступления: «Я, например, мог бы рассказать, как у одного проезжего купца было отнято близ одного города разбойниками 50 000 рублей и как через месяц

потом у частного пристава умер дядюшка в Сибири и оставил ему 50 000 наследства. Я мог бы сообщить, как в одном провинциальном городе один домовладелец дал во время пожара 3000 целковых полиции, чтобы только она не подступилась к его дому» [6, с. 98–99]. Тем самым указывал на то, как полицейские преступления тесно примыкают к взяточничеству. Важно, что Н.А. Добролюбов акцентировал внимание на субъектах совершения преступлений, что дает основание считать их самостоятельным видом противоправных деяний в рамках его политико-правовых взглядов.

* * *

Изложенное позволяет прийти к следующим выводам:

- теория противоправности Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова сформировалась в условиях взрывного роста преступности, вызванного максимальной эксплуатацией крестьянского населения, разрушением традиционных устоев жизни народа;
- они ратовали за учет исторической изменчивости преступности, объективное объяснение феномена преступления и причин преступности, отвергая удобные для господствующего класса идеалистические теории;
- совершение противоправных деяний находилось в прямой зависимости от несовершенства общественно-политического строя, — чем острее проявлялись эти несовершенства, тем больше правонарушений совершалось;
- любой противоправный акт представляет собой неразрывное единство объективных и субъективных факторов, то есть внешней и внутренней сторон;
- большинство правонарушений совершаются без умысла, что не исключает необходимости устанавливать вину в каждом конкретном случае;
- в трудах Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова можно выделить такие виды противоправности как преступления, предусмотренные уголовным законодательством, антиобщественные поступки, взяточничество и полицейские преступления.

Список литературы

1. Добролюбов Н.А. Полное собрание сочинений, т. 2. М., 1935.
2. Добролюбов Н.А. Полное собрание сочинений, т. 3. М., 1936.
3. Добролюбов Н.А. Полное собрание сочинений, т. 4. М., 1937.
4. Добролюбов Н.А. Полное собрание сочинений, т. 6. М., 1939.
5. Здравомыслов Б.В. Уголовно-правовые взгляды русских революционных демократов А.И. Герцена, В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова. М., 1959.
6. Скрипилев Е.А. Добролюбов. М., 1988.
7. Скрипилев Е.А. Чернышевский. М., 1979.
8. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений, т. II. М., 1949.
9. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений, т. IV. М., 1948.
10. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений, т. V. М., 1950.
11. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений, т. VII. М., 1950.